

**Материалы работы «круглого» стола:
УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ БЫТИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ**

**ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ В РАМКАХ
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ**

Е. В. Бакеева

*доктор философских наук, профессор кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

**М. И. Коновалов, А. М. Коржов, С. В. Уткин,
Е. В. Хузина, А. А. Черняк**

*студенты Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург*

Реальность как действие

Реальность – понятие, обретающее сегодня особую значимость именно в силу того, что все сложнее становится придать ему хоть какую-то определенность смысла. Вместе с тем нужда в этой определенности по-прежнему существует – постольку, поскольку категория реальности всегда, так или иначе, играет роль точки отсчета или точки приложения в практической деятельности человека. Одна из наиболее распространенных трактовок понятия реальности – как чего-то действительного в противовес только мыслимому – критически переосмысливается Гегелем в его «Науке логики». Как известно, основная претензия Гегеля по отношению к подобному пониманию реальности – как чистой позитивности, – заключается именно в его односторонности, игнорирующей момент отрицания, присущий этому понятию. Вместе с тем следует признать, что практический, операциональный аспект этой категории схвачен в рамках данной трактовки предельно точно, а именно: наличность, неотменимость того, что мы называем реальным. Это то, с чем всегда приходится считаться, от чего необходимо отталкиваться в мысли и в действии, то, с чем следует сопоставлять любые суждения и представления. Иными словами, реальное – это то, что есть. То, что наделено бытием. Эта наделенность, в свою очередь, гарантируется (в рамках классической онтологии) тем, что само бытийное начало, как бы оно ни понималось, признается существующим. Меняются критерии, позволяющие отличить реальное

от нереального, но основой этих критериев всякий раз оказывается тот или иной ответ на вопрос: «что значит быть?». Иными словами, в рамках классической онтологии «проблема» реальности сводится, по сути, к вопросу о критериях распознавания реальности, формулируемых в опоре на ту или иную трактовку категории бытия.

Совершенно иную глубину и остроту эта проблема приобретает в условиях десубстанциализации самой категории бытия, выступающей основным признаком современной (неклассической) онтологии. В ситуации, когда понятие бытия как присутствия само оказывается под подозрением, понятие реальности – на первый взгляд – полностью обесмысливается, а мир, в конечном счете, выступает как «дереализованный». Это мир, в котором не на что опереться и невозможно ориентироваться. Признаки этой дереализации можно обнаружить в любых областях жизни современного человека – и в экономической, где т. н. «реальная экономика» играет все менее значительную роль, и в социальной, характеризующейся все большей эфемерностью, неустойчивостью образующихся связей, и в духовной, где наука, философия, религия и искусство в равной степени отмечены ностальгией по утраченной реальности.

В силу сложившейся к началу XX в. социокультурной ситуации важнейшее значение проблема реальности приобретает применительно к науке, обосновывающей свою ведущую роль в культуре претензией на единственно адекватное отражение того, что есть. Однако именно в первой половине XX в., в контексте известной методологической «проблемы наблюдателя», предмет научного знания впервые начинает связываться не с тем, что есть, но с тем, что может быть. Этот сдвиг, в свою очередь, приводит к проблематизации словосочетания «объективная реальность».

В этом контексте до предела обостряется вопрос, «не замечавшийся» классической наукой: если предположить, что «объективная реальность» как предмет научного познания совпадает с тем, что есть, то какое место в этой реальности занимает субъект, или сознание? Иными словами, может ли последнее каким-то образом оказаться включенным в область «объективной реальности»? Сформулированный подобным образом, данный вопрос, очевидно, выглядит не вполне корректным, являясь вместе с тем совершенно закономерным. В самом деле: каким образом вероятность может быть характеристикой самой реальности?

Одним из ответов на этот вопрос, как известно, выступила так называемая «многомировая» интерпретация квантовой механики Эверетта, согласно которой сосуществование множества миров-возможностей характеризуется их «непрозрачностью» друг для друга. В результате появляется довольно странная «двойная»

картинка, в рамках которой необходимо представлять себе одновременно и веер альтернативных возможностей, и единственный – классический – мир, соответствующий одной из позиций наблюдателя. Странность заключается именно в том невозможном требовании, которое предъявляется здесь к сознанию. Последнее должно раздвоиться, будучи единым по определению, что со всей ясностью было осмыслено уже Декартом и Кантом. Любые попытки снять эту трудность так или иначе заканчиваются воссозданием поставленной было под вопрос субъект-объектной оппозиции, в рамках которой «выпавший» из мира субъект повествует о том, как выглядит объективный мир «на самом деле». Все дело, однако, в том, что подобное утверждение требует ввести сознание дважды: один раз – как сознание Абсолютного наблюдателя, воспринимающего «единый квантовый мир», и другой – как разделяющее-ся сознание, фиксирующее «классические реальности». Но такое введение является абсолютно неправомерным: невозможно найти компромисс между классической и неклассической позициями. Признание онтологического аспекта проблемы наблюдателя навсегда отнимает у нас независимый, единый и единственный мир. Последний оказывается теперь всего лишь допущением, рабочим понятием, позволяющим более или менее наглядно представить себе «сосуществование» альтернативных миров-возможностей.

Констатация условного характера понятия «единственного мира», казалось бы, делает мир совершенно нереальным: ведь в любом из классических миров мы всегда находимся в ситуации, обусловленной чем-то иным, тем, что в этот мир не вписывается. Но вторичное, обусловленное не может быть названо реальностью, а причина или исток этой обусловленности также не могут быть названы тем, что есть, – в силу недоступности для нашего сознания. Таким образом, отказ от классической онтологии действительно оборачивается обесмысливанием понятия реальности в его традиционной трактовке.

Как представляется, вернуть смысл этому понятию возможно сегодня только в случае выдвижения на первый план того аспекта реальности, который в классической онтологии выступал как второстепенный. Этот аспект еще в середине XX столетия получил точное выражение в замечательной формулировке Гастона Башляра: «Реальность – это реализация». Иными словами, речь идет о реальности как действии. Последнее, однако, никак нельзя назвать «целенаправленным» или «целеполагающим». Понятие действия здесь практически совпадает с центральным понятием неклассической онтологии – с категорией события. Вместе с тем в контексте разговора о реальности как реализации категория действия все же выглядит предпочтительнее – в силу того, что «точка»

рождения-осмысления некоей определенной реальности характеризуется исходной активностью. Этот чистый акт, ни на чем не основываясь и ни от чего не отталкиваясь, не является ни объективным, ни субъективным, порождая все возможные оппозиции «впереди себя».

Действие утверждения реальности как того, что есть (в теоретически-содержательном смысле) само, в свою очередь, является реальностью, коль скоро именно оно задает вектор реализации, или формирования того или иного мира. Понятие реальности оказывается, таким образом, тем звеном, которое соединяет все существующее и его отражение. Отсюда понятно, что одной из важнейших оппозиций, порождаемых чистым актом реализации, выступает уже упоминавшаяся оппозиция возможности и действительности. Будучи свободным, этот акт совершается в предположении абсолютной полноты возможностей, но совершиться он может только в действительности, т. е. — в полноте своей смысловой о-существленности.

Иными словами, реальностью может быть все, что угодно, но только в том случае, если это «все» (точнее, конкретная его модификация) становится исходным пунктом акта реализации. Очевидно, что принятие этого тезиса сразу же переносит нас в полиреальный мир, где различные реальности накладываются друг на друга или — «пронизывают» одна другую.

Перенесение акцента с констатации реальности на действие реализации разрешает, таким образом, парадокс, сопровождающий любые поиски того, что есть: это есть должно быть не зависящим от меня, но в то же время оно должно быть утверждено мной как существующее. Интерпретация же реальности как действия в буквальном смысле слова возвращает меня к себе, к реальности моего собственного есть, которая, в свою очередь, рождается только в контексте действия.

При этом данный круг отнюдь не замыкает меня в своем маленьком «мирке», делая его неким искусственным образованием внутри так называемого «общего» — мира, который, собственно, и принято называть реальным. Напротив, только в этом возвратном движении, обнаруживающем актуальную «природу» реальности, мой мир размыкается навстречу другим возможным мирам. Именно это размыкание и делает осмысленными такие концепты, как «квантовый мир», «мир всех возможных миров» и т. п. Уникальное и всеобщее парадоксальным образом совпадают в точке (моменте) действия как «события бытия»: осмысление событийного происхождения моего (уникального) мира требует от меня признания всех других возможных (бесконечно-возможных) миров-событий. Реальность, таким образом, становится теперь функцией свободного

(рискованного и ответственного) выбора, сохраняя (именно в силу этой полной ответственности) свой безусловный характер. Постоянно меняясь в содержательном плане, эта реальность остается той же самой с точки зрения соответствия единственному формальному критерию: полноты акта реализации.

Хузина Е. В.: В контексте обсуждения проблемы реальности я хотела бы обратиться к «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна. Понятие реальности можно осмыслить в сопоставлении с категориями «мир» и «субстанция», которые рассматриваются в «Трактате». При этом «мир» не трактуется как нечто статичное, это – то, что случается, то, что находится в постоянном изменении. Следовательно, мое знание о мире сводится к знанию о том, что в этом мире случается, то есть, по Витгенштейну – о фактах. Факт как нечто случающееся состоит из существующих положений вещей. Положения вещей – это только возможности фактов. Вещи существуют только в своих конфигурациях. Положения вещей есть все возможные конфигурации (связи) вещей. Нельзя представить «вещь в себе», без связи ее с другими вещами и фактами, ведь тогда мы бы вообще не знали эту вещь. Вместе с вещами в мире дано все, что с ними может произойти. Таким образом, мир представляет собой совокупность постоянно изменяющихся конфигураций вещей. Категория субстанции же обозначает в «Трактате» нечто неизменное и существующее независимо от того, чему случается быть, т. е. независимо от фактов. Субстанция определяет существующее и возможное положение дел. Главной ошибкой предшествующих философов, по мнению Л. Витгенштейна, были попытки определить субстанцию при помощи языка, который может определить лишь вещи в их конфигурациях. Неизменное и вечное невозможно определить при помощи языка, это возможно только по отношению к конфигурациям предметов, т. е. к нестабильному, существу миру-реальности. Философия, таким образом, не может претендовать на знание метафизического, или субстанции. Ее роль заключается в том, чтобы, определяя границы языка, разделять непознаваемую субстанцию и постоянно меняющийся мир фактов, или конфигураций вещей, который и выступает для нас как «реальность». Таким образом, тезис о совпадении мира и «того, что может быть сказано», оказывается тесно связанным с признанием множественного характера реальности.

Коржов А. М.: В последнее время в повседневной жизни мы довольно часто используем слова «реалии», «реально», «реалистично», «реальность». Однако при этом основное значение этих слов связывается с видимыми, осязаемыми, принуждающими себя признавать вещами. Мы забываем о неосязаемой составляющей реальности, о духе. Глубокое осмысление проблема реальности

духа получает в творчестве Н. А. Бердяева. Одной из причин сведения реальности к чувственно воспринимаемым вещам, по мнению Бердяева, является то, что дух «не есть вещь среди вещей». Конечно, дух в большей или меньшей степени признается всеми (хотя бы на уровне «ну да, что-то где-то есть, наверное»). Философская мысль часто натурализовала дух, вводила его, как высшую ступень, в иерархию объективного мира. Дух понимался, как объект, хоть и высшего порядка, таким образом, духу приписывалась реальность, подобная реальности объектов внешнего мира. Но реальность духа, как пишет Бердяев, не объективная, не вещная. Дух – более высокий уровень существования, чем существование духовное или телесное. Понимание человека, как существа трехчленного, т. е. существа духовного, душевного и телесного не означает, что в человеке равно представлены три природы, это значит, что человек может достичь высшего порядка духовного существования. Реальность духа – реальность от Бога. Принимая такую позицию, мы приходим к выводу, что дух – смысл действительности, а не сама действительность. В современном мире выделяется множество реальностей разных порядков: реальность физическая, органическая, психическая, социальная и т. д. Однако можем ли мы называть реальностью истину, добро, красоту, творческую фантазию? Безусловно, можем, признавая при этом, что все это – проявления духовной реальности. Истина и любовь не реальны, как природа, как объективная вещь, но реальны как дух. Последний утверждает свою реальность через человека. Человек – манифестация духа.

Черняк А. А.: Как-то не по себе становится, когда задаешь вопрос о том, существует ли реальность. Это очень неудобный вопрос, не по размеру заданный. Реальность существует так, что мы не можем подвергнуть ее сомнению. Сама беседа о реальности, не правда ли, выглядит странно, отстраненно, будто мы боимся обернуться к предмету нашего обсуждения, а потому говорим только тихо, разнося лишь слухи о нем? Каждое утро реальность представляется по имени и отчеству моего жизненного мира. Все это естественно, об этом и говорить излишне: сервис автоматических смыслов моего завтрака, неизменное конечно предрассветных прохожих... А дальше – реальность используется для уточнения топологии конкретных вещей, она служит координатной сеткой тех инерциальных систем, в которые я попадаю. При этом она используется неизбежно, являясь обстоятельством любого описания. Трудно не согласиться, что в царстве реальности особенно важна роль действия, которое и создает ее через ее же заикание: действие как таковое и отрицает, и полагает некую предметность, которая по этой причине становится реальностью. Пожалуй, именно оно вносит взаимную соотносительность вещей. Действие продавливает по-рахманиновски

густую предметность, делает ее значимой и полезной. Теперь же, когда в дело вступает наше сознание, мы можем прорвать кольцо реальности, следовательно, реальность как уже готовая вещественность способна нам уступать, но не настолько, чтобы в месте разрыва сквозило ледяное ничто. По-видимому, реальность продавливается на определенную глубину, так, что смысл – на дне. Совсем другая проблема – расстояние до этого смысла. Нужно заметить, что я уже и всегда нахожусь в таком положении, когда кольцо реальности разомкнуто, а это интересное место как раз из-за меня, из-за моего сознания. Вся жизнь кажется процессом осознания, непрерывным действием в чередующихся условиях вещей. Выходит, реальность и есть та самая знаменитая объективность; но стоит только уделить ей немного внимания, как она сразу же отрекается от своего титула.

Уткин С. В.: Мне хотелось бы разграничить понятия «реальное», «полуреальное» и «нереальное». Это разграничение обретает смысл в том случае, если мы рассматриваем применение этих понятий. В свою очередь, все три упомянутых понятия можно предварительно осмыслить как различные варианты установления связей между «возможным» и «действительным» в мире. Последний рассматривается в данном контексте как совокупность определенных элементов и связей между ними. Тогда под «реальным» мы будем иметь в виду то, что соответствует нашим представлениям как о самих элементах, так и о связях, объединяющих эти элементы в единое целое мира. Категорией же «полуреальное» мы обозначаем те связи между известными (мыслимыми) элементами мира, которые представляются нам невозможными. Иными словами, «полуреальное» – это немыслимость связей при сохранении мыслимости определенных элементов мира. В качестве примера подобной «полуреальности» можно привести те или иные мифологические представления, не соответствующие господствующей в нашей культуре «научной картине мира». Мы сомневаемся в существовании эльфов или драконов не потому, что не можем их себе представить, но, прежде всего в силу их несоответствия характеру отношений (закономерных связей), определяющих наше видение мира. Однако, учитывая то обстоятельство, что современная наука не предлагает нам определенной и полной картины мира, характеризующейся устойчивыми связями, категория «полуреальности» начинает играть в наших представлениях о действительности более важную роль, нежели категория реальности. Одним из симптомов этого процесса выступает т. н. «виртуализация реальности», которая активно обсуждается в современной философской (и не только) литературе. В свою очередь, категория «нереальное» может быть использована для обозначения того, что невозможно

— 163 —

помыслить ни на уровне элементов мира, ни на уровне связей между ними – т. е. как немыслимое в буквальном смысле этого слова.

Коновалов М. И.: Я бы хотел предпринять попытку осмысления понятия реальности через ее соотнесение с категориями «ничто», «нечто», «универсальный опыт» и «случайность». В самом первом приближении реальность может быть определена как «нечто» в противоположность «ничто». В свою очередь, само «нечто» может рассматриваться как динамическое соотношение между «универсальным опытом» и «случайностью». Под «универсальным опытом» предлагается понимать некие устойчивые представления о мире, о его закономерных взаимосвязях, которые накапливаются и – одновременно – видоизменяются в процессе человеческой жизнедеятельности. Таким образом, можно условно приравнять друг к другу понятия «универсальный опыт» и «необходимость» («закономерность»), с той поправкой, что «универсальный опыт» – это то, что постоянно пересматривается. «Механизмом» этого изменения опыта как раз и выступает его «встреча» со случайностью, постоянно сопровождающей жизнь отдельного человека и человечества в целом. Таким образом, возвращаясь к вопросу о реальности, можно условно выделить два уровня последней – т. н. «общую» реальность (совпадающую с «универсальным опытом» и индивидуальную, или субъективную, реальность. Последняя в первую очередь характеризуется неизбежностью выбора того или иного способа действий, того или иного развития событий. Этот выбор осуществляется в опоре на «универсальный опыт», но не предопределяется им полностью. Иными словами, реальность формируется (возникает) на пересечении «опыта» (как того, что дано, необходимо) и случайного (связанного со свободным выбором). В таком случае можно говорить о различных уровнях реальности – от универсального (интерсубъективного) до индивидуального (субъективного). Однако на каждом из этих уровней происходит тот взаимообмен между «опытом» (необходимостью) и случайностью, который не позволяет рассматривать реальность как нечто статичное, не подлежащее изменению.